
Л. П. СТАНКЕВИЧ, И. П. ПОЛЯКОВА

АБСОЛЮТНЫЙ И ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ. ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ МОРАЛИ

Основная задача этики как науки – помочь каждому человеку суметь поступать таким образом, чтобы при любых обстоятельствах он смог всегда оставаться человеком, человеком с большой буквы. Это очень сложная задача не только с точки зрения теоретических проблем, но главным образом с позиций конкретных жизненных обстоятельств – найти правильное нравственное решение проблемы в конфликтной или мирной житейской ситуации.

Действительно, этика является самой практической философией, требующей придерживаться определенных нравственных принципов и постулатов. Теория этики, на наш взгляд, призвана проанализировать основные подходы, основания для установления твердых нравственных принципов, определяющих наше повседневное поведение. Она должна дать ответ на вопрос о том, почему человек должен, обязан поступать именно так, а не иначе. А ответить на данный вопрос можно, только сориентировавшись в категориях добра и зла и разобравшись в абсолютном и относительном характере нравственных ценностей.

Именно от этого по большому счету будет зависеть нравственный выбор человека, ведь если все относительно, то и все разрешено, и только излишний оптимизм позволит полагать, что человек сможет удержать себя хотя бы в рамках разумного эгоизма, а не займет позицию «войны всех против всех», отстаивая своекорыстные интересы.

Интересной представляется позиция Ф. А. Селиванова в отношении абсолютного и относительного в моральных ценностях. По его мнению, абсолютным называется то, что, существуя в данном отношении, не зависит от других отношений, не обусловлено ими.

Философия и общество, № 2, апрель – июнь 2011 125–137

Относительным же называется то, что зависит от отношений и обусловлено ими; существующее в одном отношении не существует в других. Относительный характер добра и зла пытаются обосновать изменением взглядов на эти категории в разные эпохи, хотя это вовсе не является доказательством отсутствия абсолютного характера моральных ценностей. Это лишь свидетельствует об относительности взглядов на природу морали и ее значение в жизни отдельного человека и общества в целом.

Рассмотрим основные подходы и взгляды в отношении морали в разные исторические эпохи и в разных этических концепциях.

Первый вопрос, который возникает, – это вопрос о происхождении морали. Носит ли она природный, социальный характер или имеет трансцендентальное происхождение?

Обычно в зависимости от того, что бралось за основание морали, все встречавшиеся в истории этические учения относятся к двум типам. К первому типу относят, как правило, те, которые выводят нравственные постулаты из действительности человеческого бытия – из так называемой «природы человека», естественных потребностей или стремлений людей. Берется какой-то факт из непосредственного бытия человека и рассматривается в качестве самоочевидного внеисторического основания морали. Все эти этические теории чаще всего тяготеют к биологическим, психологическим или антропологическим натуралистическим концепциям, а иногда они опираются исключительно на социальный детерминизм. К этому направлению можно отнести и древнегреческих материалистов, а также этические теории Аристотеля, Спинозы, Гоббса, французских материалистов XVIII в., представителей утилитаризма, Фейербаха и русских революционных демократов. Однако чаще всего в силу исходных фактов действительности и позиций определенного исследования в них преобладают тенденции субъективного идеализма. Таковой является английская школа нравственного чувства XVII–XVIII вв.; в современной зарубежной этике к этому направлению могут быть отнесены Дюркгейм, Парето и др.

Ко второму типу относятся такие этические учения, которые берут за основание морали некоторое безусловное и внеисторическое начало, но внешнее по отношению к бытию человека. Такое начало может пониматься исключительно натуралистически. На-

пример, в этом качестве может выступать «закон природы», как у стоической школы. Или закон «космической телеологии», или эволюции органической жизни, как это рассматривается в рамках эволюционной этики. Такой подход может носить и идеалистическую направленность. Так, например, рассматриваются «высшее благо» у Платона или абсолютная идея у Гегеля, божественный закон томистской теории или антропный моральный закон долженствования, воплощающийся в категорический императив у Канта. В этом качестве могут фигурировать простые и самоочевидные идеи или отношения, которые не зависят от мироздания. Так, например, считают кембриджские платоники. Хотелось бы обратить внимание, что в особую линию в развитии этических учений необходимо выделить авторитарные концепции морали, согласно которым единственным основанием ее требований является некоторый авторитет – божественный или светский. А с другой стороны, демократическая линия в развитии теории морали, в основании которой лежит договорная парадигма, основанная на теории дискурса и коммуникативной линии современной этической концепции. Этическая теория коммуникативного действия, развиваемая Апелем и Хабермасом, принадлежит к этому числу.

Вопрос о соотношении биологического и социального в понимании нравственных проблем до сих пор остается открытым. Теперь стало ясно, что основания этических постулатов нельзя выводить только из биологических особенностей человека, как, впрочем, и только из социальных предпосылок, что было весьма характерным для этики советского времени. Этические нормы, нравственные правила рождаются только на стыке биологических (природных) и социальных детерминант. В этом смысле существенное значение и ценность представляют социобиологические программы, результаты исследований по которым не вызывают каких-либо возражений и сомнений. Социобиология в сущности развивает идеи эволюционной теории и этологии. Ее значимость состоит именно в том, что направление указывает на общие моменты в поведении животных и человека. Естественно, становится ясно, что именно на перекрестных путях между биологией и социологией следует искать ответ на вопросы об истоках нравственных основ поведения человека. И тем не менее указание на социальную и

биологическую обусловленность моральных ценностей вовсе не дает исчерпывающего ответа на вопрос об их происхождении.

Дело в том, что проблема основания и обоснования морали часто представляется как практически неразрешимая. В интуитивистской этике принято считать, что основные моральные понятия не связаны с природой всего сущего, а поэтому считаются самоочевидными, недоказуемыми и непроверяемыми. Неопозитивисты противопоставляют «факты» и «ценности» и на этой основе приходят к выводу о невозможности научного обоснования моральных суждений. Именно это направление в морали у неопозитивистов получило название «эмотивизм» (от англ. *emotive* – вызывающий эмоции, возбуждающий). Оно сформировалось в русле идей логического позитивизма. С их точки зрения моральные суждения и термины («добро», «долг») не могут быть подвергнуты верификации, они не являются ни истинными, ни ложными, они суть псевдосуждения и псевдопонятия, лишённые смыслового значения. В силу того, что моральные идеи не могут быть обоснованы или опровергнуты научными средствами, представители эмотивизма пришли к выводу, что за этими идеями может быть признано лишь эмоциональное значение. Они служат для выражения и возбуждения только нравственных эмоций.

Второй закономерный вопрос, возникающий в отношении морали, – это вопрос о ее целесообразности. Является ли нравственная жизнь по своей сущности целесообразной, служащей осуществлению каких-либо практических целей и достижению определенных результатов, или же, наоборот, она полностью является нецелесообразной, служит лишь в качестве исполнения закона, определенных требований долженствования?

С позиции первого подхода моральные решения должны выбираться и оцениваться в зависимости от тех практических результатов, к каким они должны привести. К такому выводу приходили представители гедонизма, эвдемонизма, утилитаризма и других направлений. Естественно, такой подход существенно упрощал нравственную проблему, ибо оказывались неважными мотивы поступка и тем более следование какому-то общему принципу. Представители второго подхода доказывали обратное: в морали в первую очередь важны сам мотив и сам поступок во исполнение зако-

на, интенция (по П. Абеляру, греховен не сам поступок, а намерение его совершить), а не ее последствия (такой точки зрения придерживался И. Кант – к его взглядам мы еще вернемся). К такому же направлению принадлежали и другие этики (например, Д. Росс, Э. Кэррит), которые считали первостепенным намерение, стремление, приложение усилий, а не тот результат, к которому должен привести нравственный поступок, кстати, он не всегда может зависеть от человека. В конечном счете важно не содержание действия, а то, в каком отношении к нему находится субъект. Например, Ж.-П. Сартр считал самым главным то, что выбор совершен свободно; или то, что человек критически относится к своим моральным действиям и побуждениям независимо от того, какими они являются (так полагали К. Барт и Э. Бруннер). Часто вопрос о природе морали в истории этических учений выступает в качестве вопроса о самой нравственной деятельности, ее сущности в порядке сопоставления с остальной повседневной деятельностью человека.

На протяжении всей истории этики можно проследить две противоположные традиции: гедонистически-эвдемонистическая и ригористическая. В рамках первой традиции поиски основания морали практически совпадают с вопросом о путях и способах реализации нравственных требований. Мораль в этих случаях выводится из «естественной» природы человека и его конкретных жизненных запросов, или предполагается, что люди, в конце концов, сами заинтересованы ее требованиями. Эта концепция пришла к своей высшей точке в теории «разумного эгоизма». Смысл теории «разумного эгоизма» состоит именно в том, что в его основе лежит понятие эгоизма. Чаще всего в основании таких теорий выделяются два основных аспекта: философско-натуралистический и этико-нормативный. В первом варианте лежит представление о том, как отмечал О. Дробницкий, что человек является эгоистом по своей природе и действует только в соответствии со своими интересами, исходя из присущего ему от рождения стремления к наслаждению, к счастью (гедонизм, эвдемонизм) или к славе и т. п. Он повинует-ся требованиям морали постольку, поскольку это в конечном счете будет способствовать его выгоде. Во втором случае нравственная теория опирается на так называемый правильно, «разумно понятый» эгоизм, единственно подлинный моральный принцип, исключаящий насилие над природой человека, обман и лицемерие.

Конечно, эта теория имела гуманистические мотивы, считая, что истинным благодетелем общества может быть лишь сам человек, последовательно проводящий в своей общественно полезной деятельности принцип личной выгоды. Критика этого принципа – «разумного эгоизма» – чаще всего осуществлялась по линии, когда обнаруживается непреодолимое противоречие между общественными потребностями и внутренними стремлениями индивида. И, конечно, в этом случае подобным концепциям приходит конец.

Вторая традиция – ригористическая – представлена концепциями стоицизма, кантианства, большинством течений христианства и восточных религий. Представители этого направления приходят к выводу, что невозможно исходить в обосновании первичных положений этики из природы человека, а нужно понимать мораль как нечто изначально противоположное практическим интересам и целям, естественным склонностям человека. Из этого вытекает аскетическое понимание морали, конечно, с различными оттенками у различных авторов, таких как М. Лютер, И. Кант и Р. Барт. С этим в определенной степени связана и пессимистическая оценка нравственной дееспособности человека, например тезис протестантской неоортодоксии о невозможности практиковать истинную мораль в земной жизни или положение экзистенциализма о принципиальной неспособности человека практически реализовывать свои идеалы. В сущности, к такому же выводу приходят представители так называемой автономной этики, исходя из идеи невыводимости морального начала из бытия человека и невозможности основания морали в сфере существующего мира.

В современной зарубежной (западной) философии можно отметить стремление к переосмыслению источника основания морали в связи с попытками формирования «новой этики» как основополагающей стратегии идеологического либерализма. Особенно нацелены на это позитивистские этические школы (метаэтика, школа лингвистического анализа), нормативные этические теории (утилитаризм, прагматизм, различные «технологии поведения»), антропологизированная этика (религиозная, эволюционная, экзистенциалистская, этика психоанализа и этика ненасилия) и этическая глобалистика (экологическая этика, биоэтика, этика «благоговения перед жизнью») А. Швейцера, Живая Этика Н. Рериха). Остановимся чуть

подробнее на перечисленных направлениях современной западной этики, ищущих основания и обоснования нравственных теорий. Так, представитель метаэтики Дж. Мур раскрывает «натуралистическую ошибку» прежней гетерономной морали, которая зависит от внешних факторов. Он предлагает методологию анализа языка морали как средства решения нравственных проблем.

В современной западной философии господствуют идеи утилитарной этики, в которой основания морали заключаются в принципе полезности. Оппозиционными данной теории выступают теории, признающие абсолютную ценность любви и раскрывающиеся в концепциях К. С. Льюиса, Э. Фромма и А. Швейцера. Экологическая этика особенно постулируется в современных исканиях оснований нравственности, базируясь на ценностях мира природы и всех видах живого или жизни. Биологическая этика формируется как некоторая междисциплинарная область знания о нравственных проблемах телесного, психического и духовного бытия, о жизни и смерти, прежде всего с точки зрения биологии, медицины, экологии (опирается на достижения экологической этики) и других наук. Особое место занимает этика «благоговения перед жизнью», как уже отмечалось, разработанная А. Швейцером. Именно эта этика была объявлена основой этического обновления человечества, ибо она фундаментально связана с культурными и гуманистическими ценностями, но не цивилизационными, с чувством смирения, с миро- и жизнеутверждением.

Н. К. Рериху принадлежит разработка идей Живой Этики, суть которой состоит в соединении языческого пантеона Древней Руси и Вед Индии. Эта этика выявляет глубинную связь человека с космосом, учит о способах очищения души и «господстве духа и сердца», а также «этическим упражнениям».

Абсолютный характер нравственных ценностей отстаивается в трудах русских религиозных философов В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и Н. О. Лосского.

Этика в понимании В. С. Соловьева является главной частью теории – «цельного знания» об абсолютном начале, а Добро является движущей силой развития истории.

Н. А. Бердяев, конечно, более всего моралист-романтик, но тем не менее его поиски в области морали, в определении основания

этики, как и в мировой нравственной мысли, концентрируются вокруг проблем абсолютного и относительного, светского (рационального) и религиозного (мистического) обоснования этики. В конечных своих нравственных исканиях Бердяев все-таки приходит к выводу об «абсолютности и вечности нравственного закона», о том, что он дан «для мира сего», но что он не «от мира сего», что «нравственный закон принадлежит царству свободы, а не царству необходимости».

Обоснование этических принципов у Н. О. Лосского органически связано с фундаментальным признанием нераздельности бытия и ценности. По мнению Н. О. Лосского, зло является «вторичной надстройкой над добром». Но первозданным у него остается добро. Лосский даже высказывает идею, вероятно, утопическую, о возможностях чудесного преображения человека, духовного овладения силами природы. Таким образом, можно отметить, что Н. О. Лосский является в конечном счете принципиальным противником этического релятивизма. Он сторонник абсолютной этики, признающей абсолютные ценности. Критерий нравственности, основания этики лежат в постулате: идти с богом или против бога.

К сожалению, то, что так категорически отрицал Н. О. Лосский, а именно субъективный релятивизм, моральный субъективизм, получило широкое распространение в наши дни.

Так, Б. Рассел в своей теории субъективизма ценностей утверждает, что если шкала ценностей двух людей различается, то это не означает, что они расходятся во мнениях по поводу истины, просто у них разные вкусы. Подтверждением вышесказанного является то, что абсолютно невозможно доказать истинность той или иной точки зрения. Также Б. Рассел замечает, что действие греховное для одного может быть благом для другого, поэтому нерационально считать, что существует ад как место наказания для грешников. А если нет суда на небе и есть возможность избежать суда на земле, то что остановит человека? Что станет препятствием на пути к аморальности? Да и считает ли себя безнравственным человек, совершающий аморальные поступки? Он, как и все, стремится к счастью и добру, просто ищет его не там, где нужно, и средства выбирает не те... Проблема в том, что в современной культуре отсутствуют честные, определенные, неизменные и единогласно принятые

законы морали, поскольку мораль соотносится прежде всего со своими интересами. Как только люди начинают проявлять снисходительность к себе, уклоняясь от этических норм и адаптируя их к себе, они не могут остановиться, ибо спуск всегда легче подъема. Может быть, именно поэтому мораль так непопулярна в современном обществе. Это дополнительное усилие, работа над собой, а когда есть путь меньшего сопротивления, большинство выбирают именно его. Поэтому сейчас так мало образцов подлинно морального поведения, а подражают тем, кто имеет внешние атрибуты успеха, подменяя ценности и смещая акценты с «быть» на «иметь».

Итак, мы видим, что в истории этики были различные и многочисленные подходы к обоснованию, теоретическому осмыслению исходных основоположений нравственности. Но если выделить все же главный нерв этих поисков, то он будет заключаться в проблеме обоснования абсолютности в морали. Наиболее основательно эта проблема раскрыта в трудах Сократа и И. Канта. Необходимо отметить, что проблема абсолютности нравственности рассматривается в соотношении разума и нравственности. Более того, постараемся не терять из виду и принцип целостности. Что это значит для обоснования морали? Это не только разумное доказательство верности некоторых основополагающих нравственных принципов и их гармоничной взаимосвязи, но и наличие необходимых действий, поступков в соответствии с этими положениями нравственности.

Сократ первым пришел к выводу, что добродетель есть знание, или мудрость. Это значит, что знающий добро или что такое добро обязательно и поступает по-доброму. А тот, кто поступает не по-доброму, то есть по-злему, или не знает, что такое добро, или совершает злой поступок в целях конечного торжества добра. Ясно, что Сократу были известны случаи расхождения правильного (истинного) знания и плохого поведения, но в его понимании не может быть противоречия между разумом и поведением, и он проповедовал цельность человеческой личности. В самом деле, можно несколько иначе понять, истолковать этот тезис Сократа: в любом случае поступок нравственный соответствует уровню развития разума поступающего. В реальной жизни, на наш взгляд, все обстоит именно так. Однако возникает вопрос: а в чем заключается истинное содержание таких понятий, как справедливость, мужество, пре-

красное? Получается, что люди поступают как слепые, доверившись поводырю, который сам ничего не видит. В конечном счете вся проблема заключается в измерении или знании того, что полезно и что вредно. Если добродетель полезна, значит, она и есть истинные знания. Главный вывод состоит в том, что мораль сопрягается с разумом, логикой, познанием. Сократовское сведение добродетели к знанию, по мнению А. А. Гусейнова, означало, что нравственно ответственный выбор совпадает с рационально обоснованным решением, этическое убеждение приобретает законную силу только в качестве логического принуждения, логической аксиомы или постулата.

Постулат Сократа «Я знаю, что ничего не знаю, а другие и этого не знают», согласно доказательствам А. А. Гусейнова, является в его этике (Сократа) одним из ключевых. Этот тезис выступает как нравственно-нормативная программа. Согласно логике Сократа, знать, что такое добродетель, и поступать добродетельно есть одно и то же. Люди в жизни часто весьма далеки от добродетели, что является неопровержимым доказательством отсутствия у них адекватных, истинных знаний, то есть наличия именно незнания. Конечно, сократовский тезис о незнании имеет оптимистический смысл: если добродетель есть знание, а я ничего не знаю и в то же время знаю об этом незнании, и если не хочу полностью отказаться от морали, то я должен стремиться что-то узнать, стремиться к знанию, продолжить исследовательский поиск. Парадокс незнания, таким образом, утверждает первостепенную важность знания добродетели в жизни человека.

Через много столетий против такого обоснования абсолютности морали выступил И. Кант. Он отстаивал абсолютный характер морали, сформулировав категорический императив морального поведения, руководство которым обязательно для всех и всегда: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она (эта максима. – *Авт.*) стала всеобщим законом». Моральное поведение человека основывается на принципе долженствования (ты должен поступать так и только так, если хочешь оставаться человеком. – *Авт.*), но этот принцип не может быть принят тобой под принуждением, ты его принимаешь свободно и поступаешь также свободно не в эгоисти-

ческих, а в альтруистических интересах. Кант исследует антиномию должного и сущего, несовпадения идеала и действительности, утверждает свободу воли, бытие Бога и бессмертия души как последнюю надежду на осуществление нравственного закона в потустороннем мире. При этом он не отрицает и существования относительных нравственных ценностей, воплощенных в гипотетических императивах, то есть тех правилах, которые являются желательными, но вовсе не обязательными.

Кант пошел по пути органического объединения различных аспектов процесса обоснования морали, полагая, что необходимо формулирование некоторого нравственного закона, какого-то основополагающего принципа. Дело в том, что основные нравственные идеи для И. Канта, такие как постулат нравственного закона, идея безусловного долга и доброй без ограничения воли, образующие в совокупности абсолютную нравственность, не являются некоторыми итоговыми выводами, а выступают как исходные априорные понятия. В силу того, что они выступают как априорные, они даны человеку вместе с разумом независимо от того, каков этот разум – самый обыденный или спекулятивный. Таким образом, нам изначально известно и должно быть принято, что мораль сама по себе обладает абсолютностью: «Каждому необходимо согласиться с тем, что закон, если он должен иметь силу морального закона, то есть быть основой обязательности, непременно содержит в себе абсолютную необходимость»¹. Таким образом, становится понятно, что нравственный закон обладает абсолютной необходимостью, и это предрешает проблему ее обоснования: абсолютное не может быть выведено из чего бы то ни было другого, оно содержит свои основания в себе. Тем самым кажется, что на этом и заканчивается теоретическое обоснование не только абсолютности, но и самой морали вообще. Тем не менее это далеко не так, поскольку есть еще субъективная составляющая морали, есть, в конце концов, реальные нравственные поступки людей, есть, таким образом, еще и практический разум, накрепко связанный с материальной деятельностью человека. Идея абсолютной морали не только не исключает, но и требует, чтобы каждая материальная цель была еще и достойна человека. И верно замечает А. А. Гусейнов: то, что

¹ Кант, И. Соч.: в 6 т. – М., 1965. – Т. 4. – Ч. I. – С. 223.

оправдано по законам природы, должно еще получить оправдание по законам свободы, так как «нет настоящего противоречия между свободой и естественной необходимостью одних и тех же человеческих поступков»². Пожалуй, можно было бы сказать: не должно быть противоречия, ибо в реальности эти противоречия все-таки существуют.

В этой связи, определяя суть категорического императива, И. Кант различает понятия «максима» и «принцип». В частности, он отмечает: «**Максима** есть субъективный принцип (совершения) поступков, и ее должно отличать от **объективного принципа**, а именно от практического закона. Максима содержит практическое правило, которое разум определяет сообразно с условиями субъекта (чаще всего с его неведением или же его склонностями), и, следовательно, есть основоположение, согласно которому субъект действует; закон же есть объективный принцип, имеющий силу для каждого разумного существа, и основоположение, согласно которому такое существо **должно действовать**, т. е. императив»³. И он делает окончательный вывод, что существует только один категорический императив, а именно: поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом. Более того, И. Кант утверждает: поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы, понимая последнюю в самом общем смысле. Кроме того, практический императив требует: «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»⁴.

Размышляя над тем, как возможен категорический императив, И. Кант замечает, что он возможен, поскольку можно выдвинуть единственное предположение, при котором он возможен, а именно идею свободы, а также поскольку можно усмотреть необходимость такого предположения. Он полагает, что этого достаточно для практического применения разума, то есть для убежденности в си-

² Кант, И. Указ. соч. – С. 301.

³ Там же. – С. 260.

⁴ Там же. – С. 270.

ле этого императива, стало быть, и в силе нравственного закона. В сущности, это и есть теоретическое обоснование нравственности. Но тут же, на этой же странице «Основ метафизики нравственности», он замечает относительно своего предположения: «Однако как возможно само это предположение – это никогда не удастся постичь человеческому разуму»⁵.

Невольно вновь вспоминаются слова А. Шопенгауэра о том, что проповедовать мораль легко, но обосновать ее трудно. Завершая эту работу, И. Кант как бы подводит итог: «Таким образом, то, что человеческий разум не может сделать понятным безусловный практический закон (каким должен быть категорический императив) в его абсолютной необходимости, – это не укор для нашей дедукции высшего принципа моральности, а упрек, который следовало бы сделать человеческому разуму вообще; в самом деле, нельзя же ставить ему в вину то, что он не хочет сделать это при помощи условия, а именно посредством какого-нибудь положенного в основу интереса, ведь в таком случае закон не был бы моральным, т. е. высшим законом свободы. Итак, мы не постигаем практической безусловной необходимости морального императива, но мы постигаем его **непостижимость**; больше этого уже нельзя по справедливости требовать от философии, которая стремится в принципах дойти до границ человеческого разума»⁶.

Таким образом, добро и зло не зависят от мнений. Добро – это то, что приносит благо, зло – то, что его разрушает. В истории может меняться форма, но никоим образом не содержание данных понятий.

⁵ Кант, И. Указ. соч. – С. 307.

⁶ Там же. – С. 310.